

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В СВЕТЕ ТЕОРИИ СЛОЖНОСТИ

Демьяненко А.Н.,

*доктор географических наук, профессор, независимый исследователь, г. Хабаровск,
ad716008@gmail.com*

Аннотация. В статье предпринята попытка применения ряда положений теории сложности (Theory Complexity) к исследованию пространственной организации российского общества. Автор полагает, что подход с позиций теории сложности позволяет обновить и расширить представления о пространственном развитии как результате разномасштабных пространственных трансформаций и как о предмете междисциплинарных научных исследований и, как следствие, специальной государственной политики.

Ключевые слова: *пространственная организация, теория сложности, пространственной развитие*

SPATIAL OF RUSSIAN SOCIETY IN LIGHT OF COMPLEXITY THEORY

Demyanenko A.N.,

Doctor of Geography, Professor, Independent Researcher, Khabarovsk

Abstract. The article attempts to apply a number of provisions of the Theory of Complexity to the study of the spatial organization of Russian society. The author believes that the approach from the standpoint of the Theory of Complexity allows us to update and expand our understanding of spatial development as a result of multi-scale spatial transformations and as a subject of interdisciplinary scientific research and, as a consequence, special state policy.

Key words: *spatial organization, complexity theory, spatial development*

Введение. Трудно найти в отечественной литературе, имеющей то или иное отношение к российским пространствам, в том числе и экономическим, в которых авторы не клялись бы в верности системному подходу. Я уже не говорю о том, что практически любое диссертационное исследование включает ритуальную фразу о том, что соискатель опирался в своей работе на методологию системного подхода. Впрочем, не чужды системному жаргону и авторы многочисленных программ, стратегий и иных документов, ставящих перед собой цели «развития национальных пространств» или пространственных систем. Правда, затем выясняется, что ни общая теория систем в ее традиционной трактовке, ни теория сложности (Theory Complexity), как современный вариант теории систем не очень-то и нужны исследователям в ходе изучения тех или иных пространственных экономических систем и экономических пространств.

Более того, системный жаргон прочно вошел в лексикон авторов самых различных документов (стратегий, основных направлений и т.п.) как национального, так и регионального уровня, имеющих претензии на регулирование «пространственного развития» (правда, до сих пор не ясно, что это такое, как прочем, и «развитие территории»). И все было бы хорошо, но есть одно существенное – но, а именно: эффективность, если не всех, то большинства из решений по развитию регионов, территорий и пространств оставляет желать лучшего¹. Причин тому много и в одной статье их не обозреть, поэтому автор ограничился одним сюжетом: проблемы стратегирования российских пространств в контексте теории сложности.

О стратегиях и программах пространственного развития: российский кейс

---

¹ Из публикаций последних лет проблемам выделим [9, 13, 16].

Конечно, здесь можно получить в ответ, что автор занимается «очернительством» и что в нашем отечестве в сфере пространственного развития если и есть недостатки, то они незначительные, а по-крупному все хорошо. Вот только, кое-что поправим и все будет хорошо. Можно было бы пройтись по конкретным проблемам, в сфере стратегического планирования пространственного развития, как на общенациональном, так и на региональном и локальном уровне.

Но, во-первых, к настоящему времени существует настолько обширный корпус публикаций, посвященный пространственному развитию России, который просто невозможно сколько-нибудь подробно осветить в рамках журнальной статьи, поэтому я посчитал возможным зафиксировать лишь те положения, которые имеют, по-моему, мнению принципиальное значение. К числу таковых следует отнести: а) уровень стратегического планирования пространственного (включая и регионального) планирования, а шире – стратегического регулирования оставляет желать лучшего²; б) отсутствие понимания того, что существуют пределы государственного воздействия как на российские пространства в целом, так и на отдельные пространственные системы³.

Во-вторых, как бы не были значимы технологии государственного регулирования (включая стратегическое планирование), но не менее значимо – отсутствие должного понимания самой природы российских пространств (включая и пространства экономические) и тех трансформационных процессов, которые изменяют эти пространства на протяжении последних десятилетий⁴.

Для начала констатируем, что первые десятилетия XXI века свидетельствуют о том, что не только Россия, но мир в целом, оказались в состоянии глубоких трансформаций. Сложность, неопределенность и скорость изменений кажутся ошеломляющими. Не случайно, в настоящее время нет сколько-нибудь целостной концепции, объясняющей эти трансформации, но есть все ширящееся понимание того, что «твердая», малоподвижная современность становится «жидкой» или «текучей» [1], все более изменчивой современностью.

Что следует из признания этого концептуального положения для целей нашего исследования?

Пожалуй, только то, что и ЛПР, и системы государственного управления, равно как местного самоуправления должны научиться работать в условиях все большей неопределенности, то есть стать гибкими и адаптируемыми. Это означает также и то, что решение сложных проблем, а проблемы организации российских пространств именно таковы, не терпит редукиции. Но это справедливо и применительно к организации исследований российских пространств. Следовательно, задача заключается не в том, чтобы разложить сложную систему на простые, составляющие ее элементы, а в том, что понимание природы

---

² Показательно, что авторы, анализирующие результаты Стратегии 1 (Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года), как и те, кто (а зачастую это одни и те же исследователи) анализируют содержание Стратегия 2 (Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года) по этому вопросу сходятся во мнении.

³ Здесь, наверное, следует отметить, что в отечественной научной и около научной литературе широко распространено мнение о доминирующей роли государства в регулировании пространственного развития России (подробно этот сюжет рассмотрен в публикациях [9,13,24]), что в общем, и целом, соответствует сложившимся реалиям, но вовсе не означает неизбежность такой ситуации.

⁴ И вновь следует дать хотя бы краткое пояснение. Обычно, в отечественной практике стратегия (отраслевая, пространственная и любая другая) – это вещь в себе, ей вовсе не нужны ни организационные структуры, ни соответствующие кадры и пр. и пр. Здесь еще много чего можно было сказать, но, во-первых, это не совсем тема данной статьи, во-вторых, этот сюжет уже был рассмотрен мною в ряде публикаций [4-6, 8, 14, 15, 25, 26].

сложной пространственной системы предполагает разделение ее на целостные же части⁵. При этом, несмотря на всю очевидность этого факта, то, что мы все наблюдаем в последние два десятилетия, свидетельствует об обратном. И хотя в научной литературе присутствует ожидание, что «... необходимость решения крайне актуализированных в современном геополитическом контексте вопросов стратегирования пространственного развития формирует запрос на возрождение отечественного районирования, модернизацию его инструментария» (10, с.87), пока этого самого «запроса» не очень видно. Скорее, напротив, появляются все новые и новые скажем так: географические открытия. Например, Сибирь от Предуралья до Тихого океана и много чего подобного.

Теория сложности: основные положения

Теперь, кратко о теории сложности, что предполагает обращение к происхождению и эволюции этой теории. Но прежде всего, следует определиться с терминологией, и в первую очередь с тем, что есть сложность, сложная система, организация и самоорганизация.

Итак, что есть сложность? Начнем с того, что констатируем: несмотря на многочисленные попытки в нашем распоряжении нет инструмента, позволяющего однозначно провести различие между простыми и сложными системами, уже по той причине, что не существует универсальной меры, которая позволила бы установить степень сложности той или иной системы⁶. Тем не менее, можно согласиться с мнением, Э. Морена, что сложность — не только предполагает «количество единств и взаимодействий, не поддающихся нашим вычислительным возможностям»⁷; «...она также соткана из неопределенности, недетерминированности и случайных феноменов», иначе говоря, «сложность связана с определенной смесью порядка и беспорядка» [17, с.112]⁸.

Теперь опять-таки по понятным причинам коротко (тем более, что это свойство систем было предметом многочисленных исследований) о том, что есть сложная система, и каковы ее свойства. Начнем с того, что зафиксируем сложная система – это открытая система. Из признания этого факта вытекают два следствия: первое - законы, определяющие строение и поведение сложных систем – «это не законы равновесия, а скорее законы неравновесия, законы восстановленной, компенсированной или устойчивой динамики» [17, с.95]. Второе следствие – «постигаемость системы следует искать не только в самой системе, но и в ее взаимосвязи с окружающей средой, и что это отношение — не простая зависимость: оно — составляет основу системы» [17, с. 96].

Говоря о системе, а тем более сложной системе, трудно, если только возможно, пройти мимо вопроса о характере связей, как внутри системы, так и связей системы с внешней средой. Обычно, в рамках общей теории систем, акцент смещается в сторону исследования

---

⁵ Уместно вспомнить, что более полувека тому назад классик отечественной географии Ю.Г. Саушкин «Районирование ... означает «разбиение» целого на целостные же части, объединяемые взаимными связями» [20, с.415]. Но еще ранее, в 1920-х гг. сложилось понимание того, что районирование — это не только и даже не столько «разбиение» целого, то есть пространства, но еще и организация пространства.

⁶ Здесь уместно привести один пример из монографии Дж. Клира [11]: для нейрофизиолога мозг сложен, а для мясника – прост. Что из этого следует? Клиру это дает основание предположить, что «... сложность системы сознательно ставится в прямую зависимость от наблюдателя» [11, с.346]. К этому можно добавить: зависимость имеет место не только от наблюдателя, но и от контекста.

⁷ При этом отдельные части оказываются «... соединенные таким образом, что их трудно разделить. ... Поэтому один только аналитический метод не позволит нам понять сложную систему» [29, р.2].

⁸ Очевидно, здесь будет уместным обратить внимание на то, что «сложность невидима в дисциплинарном делении реального». [33, р. 2]. Действительно, «сложность» трудно поместить в пределы той или иной научной дисциплины. Поэтому исследование и сложности, и сложных систем предполагает междисциплинарность; более того, есть все основания предполагать, что попытка исследование сложности вне взаимодействия с другими дисциплинами – разрушает сложность. См. также [30, 31]

отрицательной обратной связи, что вполне объяснимо: исследование этого типа связи предоставляет возможности регулировать отклонения. Э. Морен, не отрицая значения отрицательной обратной связи, акцентирует внимание на положительной обратной связи, которая «развивается, когда система регулирования больше не может отменить отклонения; затем они могут усиливаться и идти к неуправляемому ... распаду [33, с.11]⁹. Иначе говоря, как это не печально, но система может не только прогрессировать, но и деградировать, вплоть до исчезновения.

Иначе говоря, усиление положительной обратной связи ослабляет эффект действия обратной отрицательной связи. Как следствие значительные воздействия могут привести к незначительным или даже отрицательным результатам. Хорошо известны (но мало исследуемы) кейсы, когда реализация мегапроектов сопряженных с вовлечением значительных материальных, финансовых и людских ресурсов, не приводили к желаемым результатам в пространственных системах¹⁰.

Таким образом, в сложных системах имеет место «...переплетение взаимосвязанных петель положительной и отрицательной обратной связи, где последствия любого изменения в компоненте каскадно передаются через всё большее число связанных компонентов, частично давая обратную связь, положительную и/или отрицательную, исходному компоненту» [29, р.6].

Более того, нелинейный характер связей в сложной системе может привести к тому, что «... мельчайшее микроскопическое различие между исходными состояниями может перерасти в макроскопически наблюдаемое различие [29, р.5-6]¹¹.

Что следует из вышесказанного? Наверно, выводов можно сделать не мало, но я хочу остановиться только на одном: имея дело со сложными системами и в том числе со сложными пространственными системами, мы должны признать, что мы далеко не всегда в состоянии прогнозировать и контролировать их поведение. Но мы в состоянии справиться (в какой мере – другой вопрос) с неожиданными событиями адаптируя свои действия к новой ситуации, что, как правило, предполагает изменения системы, не разрушая её. Но, если адаптационные механизмы не удалось сформировать или они функционирует не эффективно, то разрушение системы или, как минимум, ее деградация неизбежны.

Говоря о системах, а тем более сложных системах, невозможно, хотя кратко не остановиться на эмерджентности. На первый взгляд, сказать что-либо новое относительно центрального понятия общей теории систем, как ее современной модификации - теории сложности крайне сложно. Но, как отметил Э. Морен «целое не только больше суммы своих частей, но и меньше суммы своих частей» [33, р.7]. Скажем так: это несколько неожиданный тезис. Причина тому, обусловлена тем, что определенное количество качеств и свойств, присущих тем или иным частям системы, может подавляться организацией целого. Здесь ключевое слово «организация», понимаемая как процесс и как результат. То есть организация – система, представляющая собой: «социальные целостности, которые преследуют определенные цели, являются определенным образом структурированными, координируемыми активными системами, связанными с окружающей средой» [3, с.13].

Однако, оставим на время «организацию» (к ней мы еще вернемся) и вернемся к эмерджентности. Для нас, вслед за Э. Мореном, важен тот факт, что это свойство систем не

---

⁹ Для полноты картины мнение Дж.Урри: «Положительные обратные связи усиливают начальные напряжения в системе, делая её неспособной поглощать шоки и восстанавливать исходное равновесие». [35, р.5].

¹⁰ Здесь много, о чем можно было бы порассуждать, но ограничимся двумя примерами: Программа развития Нечерноземья (середина 1970-х) и Поворот на Восток.

¹¹ Здесь следует иметь в виду одну опасность «... в сложных системах часто трудно с уверенностью сказать, существует ли истинная нелинейность или же это лишь кажущийся эффект влияния неучтенных или ненаблюдаемых переменных. [30, р.467].

выводимо «... из качества частей и, следовательно, нередуцируема ...» [33, с.8]. Иначе говоря, представляется, как минимум, малопродуктивным пытаться понять эмерджентность разложив ее на составные части.

Здесь следует обратить внимание еще на один аспект эмерджентности, который самым непосредственным образом имеет отношение к заявленной нами теме: «эмерджентные свойства никогда не являются чисто «социальными», и процессы, которые их порождают, также не являются только социальными. Сложность опровергает тезис о том ...что социальные причины порождают социальные последствия» [35, р.7].

Попробую пояснить почему этот тезис значим для нашего исследования. В немногих словах приведенный выше фрагмент работы Дж. Урри дает основание для следующей интерпретации: эмерджентные свойства экономического (или иное другого) пространства, в том числе и России, не определяются исключительно причинами экономического характера. То же самое справедливо и в отношении районов – пространственных систем – частей того или иного конкретного пространства.

И в завершении по необходимости краткого обзора основных положений теории сложности, считаю целесообразным остановиться на сложностном мышлении, которое «... вовсе не отвергает ясность, порядок или детерминизм. Оно знает, что их недостаточно, оно знает, что мы не можем запрограммировать открытия, познание или действия». Более того, «...сложностное мышление — это не всеведущее мышление. Наоборот, это мышление, которое знает, что оно всегда локально, находится в определенное время и в определенном месте. Это и не совершенное мышление, ибо оно заранее знает, что всегда есть неопределенность» [17, с.173].

Естественно, что теория сложности (в какой мере она захватывающая, в такой же и оспариваемая) представляет собой «не столько окончательный теоретический корпус, сколько концептуальный инструментарий, даже несмотря на то, что между всеми его элементами существует определенная согласованность и взаимодополняемость» [28, р. 44].

Возможные направления имплементации теории сложности в теорию и практику

Судя по всему, настало время вернуться к «организации»¹², выше мы привели определение организации данное Р. Дафтом, которое мы рассматриваем как рабочее. Теперь отталкиваясь от него, я попытаюсь в очень краткой форме сформулировать те положения теории организации, которые могут быть бесполезны в исследовании российских (и не только) пространств¹³. Отчасти, этот сюжет был рассмотрен мною в ряде предшествующих публикаций [6, 7, 9], поэтому, чтобы не повторяться ограничусь лишь следующими положениями.

Во-первых, пространственные системы обладают фундаментальным свойством – эмерджентностью. К тому, что было сказано выше относительно эмерджентности, добавим, что, хотя эмерджентные свойства, как правило, не поддаются контролю со стороны индивидов и нередко выступают в качестве ограничителя его действий, но это вовсе не означает неизменности эмерджентных свойств.

Во-вторых, пространственные системы – это целевые системы. Другое дело, что цели могут быть формализованы, а могут быть и не формализованы; они могут быть заданы из вне, а могут быть результатом самоорганизации. Как правило, существует не одна, а совокупность разнохарактерных целей: политических, экономических, социально-культурных и поэтому

---

¹² Есть определенная специфика в понимании «организации» в рамках концепции сложных систем на что обратил внимание Дж. Урри: «Подход с точки зрения сложных систем подчеркивает существование множественных форм «организации» сложных самонастраивающихся систем. Они эволюционируют, адаптируются и самоорганизуются. Каждая из систем проявляют свойства, которые необязательно присутствуют в отдельных элементах» [23, с.96].

¹³ Как это не парадоксально, но еще совсем недавно были возражения рассматривать организации как системы [27].

всегда имеет место проблема – координация целей, имея в виду, что цели, как правило, видоизменяются в том числе в ходе их реализации.

В-третьих, пространственные системы – это открытые системы, то есть и формирование, и реализация целей такой системы предполагает учет: а) поведения не только систем находящимися с ними в одном пространстве, но и б) но и в иных пространствах.

Итак, ранее автор неоднократно подчеркивал, что российские пространства представляют собой сложные системы. Это многообразие не только предполагает различные формы «организации» пространственных систем, то есть мы можем предположить, что наряду отношениями вертикальной соподчиненности, что, в свою очередь, предполагает центр-периферийные взаимоотношения, могут существовать и сетевые организации, которые не предполагают соподчиненности, как и доминирования центр-периферийных взаимоотношений.

Здесь неизбежно возникает вопрос о том, кто и каким образом регулирует процессы пространственной организации? В подавляющем большинстве случаев ответ отечественных исследователей и представителей власти как правило однозначен: государство. При этом опять-таки, как правило, идут отсылки на российский исторический опыт¹⁴.

Увы, но здесь не все ясно и прежде всего не ясно о каком историческом опыте речь идет. Как известно: сравнивать можно то, что сравнимо. А это в свою очередь ставит задачу: периодизации процессов трансформации конкретных пространств и пространственных систем¹⁵. Далее, на повестку выходят вопросы типологии региональных проблем (не путать с проблемами в регионах), их таксономии и приоритетности.

И здесь мы подходим к «вечнозеленой» проблеме, а именно: проблеме стратегирования пространственного развития¹⁶. В первой части данной статьи наметил в самых общих чертах наметил основные проблемы в этой сфере в отечественной науке и сфере государственного управления. Сейчас опять-таки в самой сжатой форме попытаемся продемонстрировать каким образом те или иные положения теории сложности могут быть полезны в решении проблем стратегирования.

Исходный тезис – сложные проблемы, а, следовательно, и сложные пространственные системы нуждаются в стратегии. Далее, не стоит путать стратегии и программы. Чтобы не входить в длительные пояснения, ограничусь цитатой из уже не раз упоминавшейся работы Э. Морена: «...стратегия требуется, как только возникает неожиданность или неопределенность, то есть, как только появляется важная проблема» [17, с.173], тогда как «Для последовательностей, находящихся в стабильной среде, могут использоваться программы» [17, с.170].

В этой связи возникает законный вопрос: кто и как будет определять имеем мы дело со сложной проблемой, а, следовательно, пространственной системой? Очевидно, что представляется система сложной или неожиданно простой зависит от того, насколько квалифицированным является исследователь или ЛПР и насколько они обладают необходимыми знаниями и информацией. По этой причине и изучение и стратегирование сложных систем по своей природе междисциплинарно,¹⁷ что «требуется сочетания совершенно

---

¹⁴ Более подробно этот сюжет был рассмотрен в [9, 24].

¹⁵ При этом нередко исследователь испытывает желание пользоваться уже готовыми периодизациями (здесь напрашивается аналогия с использованием АТД в качестве готовой сетки пространственных систем), но, по-нашему мнению, это не более, чем паллиатив.

¹⁶ В рамках данной статьи нет никакой возможности осветить даже наиболее значимые публикации, посвященные этой теме, в ходе обсуждения проектов и хода реализации Стратегий пространственного развития, принятых в 2019 и 2024 гг. [21,22], поэтому автор посчитал возможным отослать читателя к работам последних лет, которые представляются мне и наиболее интересными и в тоже время типичными [10, 12, 13, 16, 18, 19].

¹⁷ Подробно о необходимости междисциплинарного исследования сложных систем [30-32].

разных методологий и навыков для обнаружения и представления поведения на индивидуальном и системном уровнях» [30, р.467]. Если вспомнить о Стратегиях [21, 22] и иных стратегических документах, имеющих отношение к пространственным системам, то придется признать, что по большей части это документы регламентирующие действия государства в экономической сфере по преимуществу, все остальные вопросы: демографические, социальные и некоторые другие, не более, чем довесок.

Особого упоминания заслуживает тот факт, что в сложных системах границы пространственных систем, то есть районов, всегда является проблемой. А это в условиях России означает, что необходимы немалые, прежде всего исследовательские усилия в области районирования общества в целом, и районирования в тех или иных конкретных пространствах, в частности¹⁸. И пока не будет должным образом обоснована система районов надеяться на сколько-нибудь действенные стратегии пространственного развития страны в целом и ее отдельных регионов, не приходится¹⁹. Естественно, районирование не единственный метод декомпозиции пространств, есть и другие методы, но именно районирование представляется наиболее уместным, когда речь идет о стратегировании пространственного развития в разных пространствах и на различных таксономических уровнях.

Наконец, и это в контексте данной статьи – главное: сложные системы обладают пространственной изменчивостью. Сложные системы характеризуются внутренне дифференцированной структурой, и их эволюция обусловлена постоянным созданием и распространением этой внутренней неоднородности. Расположение элементов в пространстве «...отражает существенный компонент сложности, а именно то, как непрерывные изменения и эволюция создают, изменяют или разрушают элементы системы в зависимости от их отношений с другими элементами и системой в целом [34, р. 614]. В конечном счете, эволюция сложной системы зависит не только от пройденного пути, но и от места.

Если в своих рассуждениях мы дошли до «места», то самое время вспомнить еще раз о контексте. Применительно к российским пространствам роль контекста трудно переоценить и дело не только в том, что в настоящее время мир переживает скажем так: эпоху перемен, смену одного миропорядка на другой и изменения эти не поддаются сколько-нибудь уверенному прогнозированию. Дело, еще и в том, что, судя по всему, мир переживает не только геополитические трансформации, но и достаточно заметные и опять-таки труднопредсказуемые изменения в природе. Обычно, говорят о климатических изменениях, но полагаю, что ситуация много сложнее: речь следует вести об изменениях в природной среде. Имеем мы дело с некими проявлениями природных циклов или эти изменения имеют антропогенный характер не так важно.

К тому же эти изменения очень по-разному влияют на состояние тех или иных конкретных российских пространств, их структуру, характер взаимодействий с внешней средой и т.д.

Если признать, что социально-экономическое пространство России сложная система [24], то тут же возникает вопрос: что есть элементы этой системы? Обычный ответ: единицы АД (от федерального округа до муниципального образования), скорее всего будет не верным уже в силу того, что единицы АД далеко не всегда являются и пространственными социально-экономическими системами. Однако, в настоящее время районирование не рассматривается ни как сколько-нибудь значимая исследовательская проблема, ни как инструмент стратегического планирования пространственного развития.

Более того, в настоящее время не так много работ, в которых бы содержались результаты анализа эволюции конкретных пространственных экономических систем. А без таких кейсов

---

¹⁸ В этой части автор полностью солидаризирует с мнением А.Г. Дружинина и о О.В. Кузнецовой [10].

¹⁹ Подробно авторская позиция относительно роли районирования в процессах стратегирования изложена в [4, 5, 8, 9].

крайне сложно выработать внятную стратегию в отношении экономического пространства. Поэтому в своем современном виде стратегирование является отражением «закрытого» системного мышления, которое в основном сосредоточено на организационных целях, то есть целях государства. При этом, если и не игнорируется, то далеко не в полной мере учитывается мнение и интересы населения, бизнеса и экспертного сообщества. Исходная посылка такого мышления – окружающая среда проста и хорошо известна, следовательно, ею можно пренебречь. К тому же интересы государства в приоритете, а интересами местных сообществ можно, если и не пренебречь, то поставить во вторую очередь. При такой постановке дел вряд ли удастся создать сколько-нибудь дееспособную стратегию пространственного развития России.

Заключение

Буду краток и ограничусь теми положениями, которые имеют принципиальный характер.

Во-первых, науку о сложности ни коим образом не следует рассматривать как некий набор рецептов относительно того, как изучать и регулировать сложные системы, включая и сложные пространственные системы. Более того, наука о сложности сама находится в стадии становления, а «с точки зрения ее применения в бизнесе и социальных науках мы находимся в начале пути» [31]. Тем не менее, целый ряд положений теории сложности таких как понятие сложных систем, нелинейности, петель прямых и обратных связей и т.д. могут быть имплементированы как к исследовательскому практику изучению пространственных систем, так и практику государственного регулирования поведения пространственных систем.

Во-вторых, исследование сложности и сложных систем не только предполагает междисциплинарность, но и новый способ мышления, центральное положение в котором занимает «способность рассматривать множество возможностей, различать и интегрировать их, а также генерировать множество новых возможностей» [32, с.2].

В-третьих – сложная система, в том числе и пространственные неизбежно предполагают нелинейный характер взаимосвязей не только внутри системы, но и в ее взаимодействиях с внешней средой, что проявляется в многообразии организационных форм и как, следствие, поведение таких систем малопредсказуемо, особенно в условиях турбулентных внешних сред.

Литература

1. Бауман, З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
2. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Клиценко М. В., Швецов А.Н. Институты пространственного развития России в контексте исторического опыта // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2025. – Т. 19. – № 1. – С. 72–83.
3. Дафт, Р.Л. Теория организации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 736 с.
4. Демьяненко А.Н. Районирование и разработка стратегий регионального развития / Стратегия развития Дальнего Востока: возможности и перспективы. Т.1. Экономика. – Хабаровск: Дальневост. гос. науч. б-ка, 2003. – С.78-84.
5. Демьяненко А.Н. Районирование в контексте стратегий регионального развития // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. – 2006. – № 3 (127). – С. 11-17.
6. Демьяненко А.Н. Район как объект стратегического управления в контексте теории организации // Пространственная экономика. – 2008. – № 2. – С.60-88.

7. Демьяненко А.Н. Мегарегионы: сравнение контекстных и структурных характеристик / От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2009. – С.1053-1089.
8. Демьяненко А.Н. Несколько слов о качестве институтов: региональное стратегическое планирование // Регионалистика. – 2016. – Т. 3. – № 1. – С. 6-12.
9. Демьяненко А.Н. Заметки на полях статьи А. Н. Швецова «Российское пространство в процессе исторических переходов (к разработке и реализации теории постсоветских системных преобразований организации социоэкономического пространства)» // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. – 2024. – № 1 (2). – С. 91-121.
10. Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Районирование в пространственном развитии современной России: проблемные вопросы теории и практики // Федерализм. – 2025. – Т. 30. – № 2 (118). – С. 79–97.
11. Клир Дж. Системология. Автоматизация решения системных задач. – М.: Радио и связь. 1990. – 544 с.
12. Крюков В.А. Понять, осмыслить и организовать // ЭКО. – 2025. – № 3. С. 4–6.
13. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Пространственные трансформации как предмет научных исследований и государственной политики // Проблемы прогнозирования. – 2025. – № 4 (211). – С. 24-34.
14. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Региональное сценарное прогнозирование // Федерализм. – 2012. – № 1 (65). – С. 29-44
15. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Стратегический анализ в системе регионального стратегирования / Стратегические приоритеты пространственного развития региона в условиях снятия инфраструктурных ограничений. – Екатеринбург: Институт экономики УрО. 2012. – С.4-21.
16. Михеева Н.Н. Дальний Восток как модель геостратегического региона в стратегии пространственного развития // Проблемы прогнозирования. – 2025. – № 4 (211). – С. 58-69.
17. Морен, Э. О сложности. – М.: Институт философии РАН. — 2-е изд., эл. — 284 с.
18. Пилясов А.Н. Пространство, которое мы потеряли (о новой Стратегии пространственного развития России-2036) // ЭКО. – 2025. – № 3. – С. 7–39.
19. Россия 2035: пространство развития. – М.: Динамик Принт, 2025. – 364 с.
20. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М.: Мысль, 1973. – 559 с.
21. Стратегия пространственного развития России до 2025 года // Распоряжение Правительства РФ № 207-р от 13 февраля 2019 г.
22. Стратегия пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года // Распоряжение Правительства РФ № 4146-р от 28 декабря 2024 г.
23. Урри, Д. Как выглядит будущее? – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 320с.
24. Швецов А.Н. Российское пространство в процессе исторических переходов (к разработке и реализации теории постсоветских системных преобразований организации социоэкономического пространства) // Российский экономический журнал. 2021. – № 6. – С. 66–100.
25. Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (часть 1) // Регионалистика. – 2016. – Т. 3. – № 3. – С. 48–60.

26. Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (часть 2): от общего к частному // Регионалистика. – 2016. – Т. 3. – № 6. – С. 69–80.
27. Baskin K. Complexity, Foucault, and History as Evolution // *Social Evolution & History*, Vol. 7 No. 2, September 2008 3–25.
28. Bousquet A., Simon Curtis S. Complexity theory, systems thinking and international relations // *Cambridge Review of International Affairs* (2011) 24(1), –Pp.43-62.
29. Gershenson C., Heylighen F. How can we think the complex? / *Managing organizational complexity: philosophy, theory and application* / editor, Kurt Richardson. Greenwich: Information Age Publishing, 2005.
30. Harrison S., Massey D., Keith Richards K. Complexity and emergence (another conversation) // *Area* (2006) 38.4, 465–471.
31. Jones B.F., Uzzi B., Wang D. Organizations Are Complex. Complexity Science Can Help Us Understand Them // *Kellogg Insight* Feb 12, 2024.
32. Montuori A. Complexity / *The Palgrave Encyclopedia of the Possible* / Editors Vlad Petre Glăveanu. Palgrave Macmillan, 2022. – Pp. 1-16.
33. Morin E. Restricted Complexity, General Complexity / "Intelligence de la complexite: epistemologie et pragmatique", Cerisy-La-Salle, June 26th, 2005. – 25 p.
34. O'Sullivan D. et al. Space, place, and complexity science // *Environment and Planning A* 2006, volume 38. – Pp. 611-617.
35. Urry J. The Complexity Turn // *Theory Culture Society*. – 2005. – Vol. 22(5). – Pp. 1–14.